

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**XXV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

**«ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА
В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»**

22–24 апреля 2009

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

**Санкт-Петербург
2009**

СЕКЦИЯ 7.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КИТАЯ
SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF CHINA

Е.С.Баженова
(ИДВ РАН, Москва)

История народонаселения Китая: взгляд через столетия

Огромная масса населения Китая формировалась в течение тысячелетий в процессе очень медленного демографического роста. Одновременно с этим происходили освоение новых земель и ассимиляция соседних племен. К началу нашей эры численность населения Китая составляла около 60 млн. человек. Два тысячелетия тому назад население Китая примерно в два раза превосходило число жителей Европы или Африки и составляло около 1/3 численности населения Азии и 1/5 – населения мира.

Судя по данным, приводимым различными исследователями, в течение первого тысячелетия н.э. численность жителей Китая оставалась относительно стабильной и к началу второго тысячелетия равнялась по-прежнему 60–80 млн. человек. Следует отметить, что внутри этого периода, как и в течение последующих столетий, динамика численности населения была очень неравномерной, иногда на протяжении десятилетий происходила убыль населения, но в благоприятные периоды темпы прироста населения были гораздо менее 1% в год. Согласно трудам китайских ученых, значительные колебания численности населения были связаны с династийно-демографическими циклами. Для начала каждого нового цикла были характерны периоды мира и спокойствия, развития культуры и увеличения числа жителей. В критические моменты существования династий, к концу цикла, наступали периоды междоусобных войн, голода и болезней, сопровождавшихся резким снижением численности населения. Свою роль играли и нашествия кочевников из глубинных районов Азии.

В первой четверти XVIII века численность населения достигла 100–120 млн. человек, к началу XX века – 430 млн. человек. Заметный скачок в числе жителей Китая с середины XVIII до середины XIX века стал заметным явлением в истории народонаселения земного шара. Этому способствовал целый ряд факторов: относительно благоприятные природные и климатические условия (не было значительных стихийных бедствий), обеспеченность растущего населения продовольствием, стабильность политической ситуации в стране. С начала XIX века увеличился и удельный вес Китая в общей численности населения Азии

и земного шара, он составлял соответственно 50 и 30%. Китай занял первое место по численности населения в мире.

А.А.Бокианин
(ИВ РАН, Москва)

***Современные китайские ученые
о роли императорской власти в традиционном Китае***

В последнее время в КНР появилось много публикаций об императорах и императорской форме правления в традиционном Китае. Это и книги, в которых описывается жизнь и деяния всех китайских императоров или же императоров какой-то одной из правящих здесь династий, а также жизнеописания отдельных, наиболее видных государей.

Мотивируется этот интерес тем, что императоры были высшим звеном государственной власти, определяющим основные параметры и направления политики в государственных масштабах. При этом отмечается, что эта политика была характерна для феодального строя, который столь долго существовал в Китае. Иначе говоря, императоры служили проводниками политики, отражавшей само существования феодального китайского общества.

Вместе с тем, признается и субъективный фактор, а именно, что каждый император имел свои индивидуальные особенности, и общая направленность и результаты политики, проводимой каждым из них, могли существенно различаться и быть более или, наоборот, менее успешными. Вопрос о том, что они могли быть разрушительными, тактично обходится, хотя сведения о негативных сторонах царствования того или иного императора не замалчиваются.

Последнее, в частности, находит отражение в своеобразном делении императоров на «основателей государств» (то есть новых правящих династий – «кай го»), «возродителей» (то есть тех, кто способствовал возвышению и процветанию страны) и «губителей» страны. Последнее интересно в том смысле, что ответственность за падение власти в сменявших друг друга правящих династиях в значительной степени перекладывается на самого императора.

Чем можно объяснить отмеченный интерес? Думается, во-первых, той «оттепелью», которая наступила (хотя и постепенно) после ослабления диктаторского режима Мао Цзэдуна. Стало возможным писать на «закрытые» прежде темы. Во-вторых, возрождающимся интересом китайской общественности и народа к своему уникальному историческому прошлому, а не тоской по «сильной руке».

*А.Л.Верченко
(ИДВ РАН, Москва)
Современный китайский историк Шэнь Чжихуа*

Поступив в 1979 г. в аспирантуру в Академии общественных наук Китая (АОНК), Шэнь Чжихуа не закончил обучение, на десять лет ушел в бизнес, а в 1994 г. решил возобновить научную карьеру. Он определил для себя следующие направления исследования: история СССР, история периода «холодной войны» и китайско-советские отношения.

Рассекречивание архивных материалов в России в 1990-е гг. навело Шэнь Чжихуа на мысль собрать все доступные документы по истории СССР. По заключенному с Академией общественных наук Китая соглашению Шэнь Чжихуа из собственных средств (1,4 млн. юаней – почти 170 тыс. ам. долл.) финансировал работу в архивах России и США. В результате в его «багаже» оказалось 15 тыс. документов. В 2002 г. под его редакцией вышли 34 тома «Избранных архивных документов по истории СССР» с 1917 г. по 1991 г.

При содействии учрежденного Шэнь Чжихуа фонда опубликовано более 80 книг, на его средства проведено больше 30 научных конференций. Он сам автор 8 монографий, более чем 60 статей, публикаций по архивным материалам. Его статьи переведены на английский, корейский, русский языки.

Из его работ следует упомянуть «Раскрыть секреты Корейской войны», «Китайско-советский договор и война в Корее», «Сталин и Тито: возникновение советско-югославского конфликта и к чему он привел», «Советские специалисты в Китае (1948–1953)». Книга «Мао Цзэдун, Сталин и война в Корее» была опубликована в Гонконге в 1998 г., в КНР вышла в 2003 г. В 2007 г. увидела свет коллективная монография «О советско-китайских отношениях» под редакцией Шэнь Чжихуа.

Шэнь Чжихуа – весьма неоднозначная фигура, которая долгое время не признавалась в китайском научном мире из-за отсутствия у него научной степени и звания, нестандартности суждений, смелых высказываний, борьбы с устоявшимися концепциями и спекулятивным мышлением. Теперь он профессор Шанхайского Восточно-Китайского педагогического университета, читает лекции в ряде других китайских университетов. На международных конференциях Шэнь Чжихуа выступает как независимый ученый, представляющий неофициальную точку зрения.

**Т.И.Виноградова
(БАН, СПб)**

***Шпаргалка как двигатель прогресса:
некоторые аспекты истории книгопечатания в Китае***

«Шпаргалка» в контексте данного сообщения – не термин, а дань учреждению – организатору конференции. Речь пойдет о печатании учебных пособий, призванных облегчить подготовку к сдаче экзаменов, дающих право занимать государственную должность. Учитывая пренебрежение, с каким относились конфуцианские начетчики к подобного рода учебно-справочным материалам, на уровне их эмоционального восприятия «шпаргалка» – правильное слово.

Появление печатных учебников обрушило основы «допечатной» педагогики, чей основной мнемонический прием – многократное переписывание от руки классического текста. Борьба с печатным учебником велась все время существования традиционной системы образования, т. е. до начала XX в.

К.К.Флуг в 8 главе своей книги, озаглавленной «Развитие книгопечатного производства и его влияние на состояние образования»¹ дал подробнейший анализ источников по этой теме, нам остается лишь посмотреть, как тенденции, наметившиеся при Сун, развивались в последующие века.

При Сун основными типами книги были «гармоники» и «бабочки» – различные способы складывания традиционного длинного свитка из многих склеенных листов. В конце Сун и при Юань стал постепенно внедряться иной тип книги, сброшюрованной в тетрадь, такие книги за возможность быстрого перелистывания листов называли «вихревыми страницами». Они были востребованы издателями 2 видов литературы – поэзии (так как поэтический сборник не читают от начала до конца) и различного рода справочной и учебной литературы (можно быстро найти нужное место)². Дальнейшее развитие переплета книги стимулировалось именно потребностями издателей учебников.

Издатели учебников были первыми, кто начал осваивать

¹ Флуг К.К. История китайской печатной книги Сунской эпохи X–XIII вв. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1959.

² Burkus-Chasson, A. Visual hermeneutics and the act of turning the leaf. A genealogy of Liu Yauan's Lingyan ge // Printing and book culture in Late Imperial China. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2005, p.373.

завезенную европейцами типографскую технику. Напомним, что типографскую технику ввозили в Китай миссионеры начиная с 1807 г. «Миссионерская печатная технология сама по себе оказала намного большее влияние на китайцев, чем те религиозные послания, которые она была призвана донести»¹.

Наиболее успешными оказались издательства, специализировавшиеся на учебной и справочной литературе. К 1937 г., году начала японской оккупации Шанхая, три крупнейших издательства города – Commercial Press (осн. в 1897), Zhonghua Books (1912) и World Books (1921), выпускали около 80% всех китайских книг, на долю Commercial Press приходилось 65% всей учебной литературы. Ничего удивительного, что это издательство было разгромлено японцами, а после окончания оккупации сумело в кратчайшие сроки возобновить производство.

И.Р.Гарри
(ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ)

Концепции этнических взаимоотношений в КНР

Как известно, официальная версия этнических взаимоотношений в КНР построена на концепции единого Китая, которым на протяжении тысячелетий правили сменяющиеся династии различных этносов единой семьи народов Китая. Со времени начала реформ в КНР стали появляться новые разработки теории этносов и национального строительства, на которых мы хотели бы остановиться в настоящем сообщении.

1. *Плюралистическое единство китайской нации.* Концепция известного китайского профессора Фэй Сяотуна считается на сегодняшний день одной из наиболее значимых теорий национального строительства в КНР. Согласно этой концепции на территории современного Китая проживали многочисленные этнические группы различных источников происхождения, которые постепенно объединились в два суб-конгломерата: кочевые царства или империи на севере и западе и земледельческие царства или империи на юге и востоке. В период династии Цин два субконгломерата слились в один. В итоге возникло плюралистическое единство с большим ханьским населением в качестве «основы». В результате западного вторжения это плюралистическое единство приблизительно в начале XX века

¹ Reed Ch. Gutenberg in Shanghai. Chinese print capitalism, 1876 – 1937, Vancouver – Toronto: University of British Columbia Press, 2004. XVII, 391 pp., ill. (Contemporary Chinese Studies), p.27.

приобрело характер «современной нации», принятой в западной культуре.

2. *Политическое единство – культурный плюрализм.* По мнению профессора Ма Жуна, концепция Фэй Сяотуна о «плюралистическом единстве китайской нации» может быть далее развита в концепцию «политического единства – культурного плюрализма». Ма Жун высказывает идею, что эта концепция является идеальной основой национального строительства. Согласно концепции, необходимо усиливать «национальную идентичность» граждан на национальном уровне и в то же время развивать культурные характеристики на групповом этническом уровне.

3. Система непрямого представительства. Китайский писатель и ученый Ван Лисюн предложил для решения национального вопроса в Китае оригинальную систему, согласно которой в будущем Китае может быть установлена предложенная им новая политическая система, в которой на основании системы непрямого представительства все провинции и автономные районы будут образованы в 30 самоуправляемых административных единиц, благодаря чему в государстве будут обеспечены, с одной стороны, свобода и автономия каждого этноса и единство и территориальная целостность Китая, с другой.

В.Ц.Головачев
(ИВ РАН, Москва)

Тырские стелы и храм «Юннин» в оценках историков

150 лет 2 Тырские стелы (1413 и 1433) из храма Вечного Покоя (Юннин) в низовьях Амура привлекают внимание ученых всего мира. Особенно интересна стела 1413 – трилингва с текстом малых чжурчжэньских писем и копиями на китайском и монгольском языках. На сегодня ученые добились весомых успехов в установлении и атрибуции текстов. Но вопросы внутренней критики все еще не закрыты.

Значение храма и стел. Ученые разных стран и времен дают противоречивые, несвободные от политики оценки. Историки имперского Китая традиционно включали всех соседей в число вассалов. При помощи Тырских стел японские и китайские историки 1-й пол. 20 в. доказывали первенство появления китайцев в низовьях Амура, введения прямого эффективного «признанного суверенитета» Мин и незаконность «агрессивной политики» и «аннексии» Приамурья царской Россией. Те же цели ставили в 1970-х ученые КНР, разоблачавшие захват «исконных китайских земель» «царскими

агрессорами» и незаконность претензий «советских ревизионистов». Доводы: бассейн Амура «был издревле землей Китая» под «постоянным правлением исторических правительств Китая», туземцы Амура – «народы нашей страны», храм Юннин – китайский храм, Тырские стелы – китайские стелы. Ляо и Цзинь – династии нацменьшинств Китая, а созданное позднее воеводство Нургань – «региональная административная ветвь внутри многонационального государства минского Китая».

В 1980-х в КНР еще называли Приамурье «местом труда, отдыха и размножения трудящихся разных национальностей нашей страны». Но уже сделали шаг от политики к науке, признав важность достижений зарубежной науки и учета своих ошибок для уточнения картины истории. К 1990-м зазвучали голоса против упрощения роли местных органов Китая в правлении «малыми народами северо-востока» и неисторичной подачи маньчжурских правителей Цин как «преемников главного управления Нургань». Хотя и теперь в трудах ученых КНР всплывают слова о том, что земли династии Юань достигали полярной зоны в Сибири и о начале в 17 в. «русской агрессии» в районе Амура, сегодня в своих обзорах истории формирования северных границ они осторожно избегают прямого уравнивания династии Юань с Китаем и утверждений, что низовья Амура были землями Китая уже при Мин.

В ответ на политизированные выводы историков КНР, ученые в СССР выдвигали в 1970-х доводы о независимости этих земель от любых соседних государств и что Тырские памятники не доказывают факт захвата и присоединения к Китаю земель Приамурья, никогда не принадлежавших Мин. После 1991 ученые России тоже уходят от политики в сторону мотивированных, взвешенных подходов и изучения мнений оппонентов, отчасти возвращаясь к оценкам русских востоковедов 19 в.

Сегодня пограничные и политические споры 20 в. улеглись и сами стали историей. Встает задача объективного обобщения и осмысления прошлых изысканий, уточнения обстоятельств, мотивов и значения Тырских храма и стел в контексте внешней политики Мин и особой роли пограничных районов Приамурья.

*А.Е.Донская
(ВФ СПбГУ)*

*Новейшие работы западных ученых
по экологической истории Китая*

История природной среды и взаимодействия с ней человеческого общества в Китае стала приобретать значение самостоятельной сферы

исследований сравнительно недавно. За последние десять лет появилось несколько публикаций, заложивших прочный фундамент для дальнейшего развития данной темы. Наибольший резонанс, пожалуй, вызвали три книги.

1. Сборник¹ под редакцией М.Элвина и Лю Цуйжуна посвящен проблемам взаимного влияния окружающей среды и общества в истории Китая. Темы статей, написанных специалистами по исторической экологии, географии, гидрологии, ботанике, демографии, экономической истории: характер воздействия хозяйственной деятельности, гидротехнических работ, миграций на конкретные ландшафты; особенности развития пограничных территорий; взгляды населения некоторых регионов и представителей государственной власти на природные процессы, влияние климатических колебаний на эффективность сельского хозяйства; роль трансформации ландшафтов в распространении эпидемий; сравнение Китая с основными древними и существующими цивилизациями в аспекте экологической истории.

2. Объект исследования Р.Маркса² – связь между экономическими и экологическими изменениями в регионе, соответствующем нынешним Гуандуну и Гуанси-Чжуанскому АР, в период 1400 – 1850 гг. (впрочем, процессы, протекавшие в 2 – 1400 гг., изложены также достаточно подробно). Основное внимание автор уделил следующим темам: влияние увеличения плотности населения на характер землепользования, сведение лесов, экологические последствия коммерциализации сельского хозяйства, особенности реакции общества на вызовы со стороны природной среды.

2. В объемной монографии М.Элвина³ эволюция природной среды Китая показана в связи с распространением земледелия, что имело следствием разрушение среды обитания многих животных, которые в древности населяли Китай, и уничтожение большей части лесов; проанализировано воздействие войн и гидротехнических работ на трансформацию ландшафтов. В книге представлено огромное количество выдержек из стихотворных произведений, официальных документов и других источников разных периодов, что позволяет лучше понять особенности практического, научного, эстетического,

¹ Elvin, Mark and Liu Ts'ui-jung (eds.). *Sediments of Time: Environment and Society in Chinese History*. Cambridge, 1998.

² Marks, Robert B. *Tigers, Rice, Silk, and Silt: Environment and Economy in Late Imperial South China*. Cambridge University Press, 1998

³ Elvin, Mark. *The Retreat of the Elephants: An Environmental History of China*. Yale University Press. New Haven and London. 2004.

религиозного восприятия китайцами природы. Книга дает возможность по-новому взглянуть на историю Китая, на истоки нынешнего экологического кризиса, на изменения природной среды Восточной Азии за последние три тысячелетия.

Б.Г.Доронин
(ВФ СПбГУ)

Тени прошлого в зеркале современной китайской историографии

Период модернизации отмечен в Китае небывалым расцветом общественных наук, они стали важным компонентом начавшегося там с середины 80-х гг. XX в. «культурного бума». На этом фоне особенно заметны успехи китайских историков, никогда прежде в КНР не велись столь масштабные и интенсивные исследования на бескрайнем поле национальной истории. В последние годы внимание китайских историков все больше привлекают правители Поднебесной. Тема эта для китайской историографии не новая: изучать прошлое страны, где монархия существовала не одну тысячу лет, без обращения к самим монархам невозможно. Но еще никогда императоры не занимали в историографии КНР такого места, как в наши дни.

На этом направлении сосредоточены крупные научные силы, работа ведется систематически и с большим размахом. Основные усилия китайских историков сосредоточены на подготовке биографий императоров. К настоящему времени вышли в свет биографии многих правителей императорского Китая: «17 императоров династии Мин» (Мин чао шици ди) Мао Пэйци, «Императоры Южной Мин» (Нань Мин чжу ди) Чжан Юйсина, несколько сборников биографий императоров династии Цин, 18-томное «Полное собрание биографий китайских императоров» (Чжунго хуанди цюаньчжуань) и др.

Всего за последние десятилетия в КНР было издано более 100 монографий, посвященных обладателям китайского престола, и число их неуклонно растет. Если прежде внимание китайских историков привлекали прежде всего основатели династий, то теперь они стремятся рассказать обо всех наиболее значимых правителях прошлого, в том числе и императорах не ханьцах. Помимо посвященных им специальных трудов, императоры активно присутствуют и в общих работах по истории Китая. Много пишут китайские историки о ближайшем окружении императоров (императрицы, крупные сановники), жизни двора.

В современной китайской историографии сложилось и стремительно набирает силу особое направление – императороведение (диван сюэ). На страницах исторических трудов по данной

проблематике китайские монархи выступают как субъект национальной истории, олицетворение китайской государственности, блюстители цивилизационных ценностей и гаранты нормального функционирования общества. Китайских историков прежде всего интересует функциональный аспект власти правителя, его место в истории Китая и его духовной культуры. Подобная трактовка Сына Неба была свойственна официальному историописанию императорского Китая, ныне она снова оказалась востребована.

Эта проблематика не осталась только достоянием науки, она выплеснулась на страницы книг, рассчитанных на массового читателя. В безбрежном море популярной исторической литературы, заполняющей ныне прилавки книжных магазинов КНР, представлен мощный пласт сочинений, где главными героями также являются обладатели китайского престола.

Выход Сынов Неба на авансцену современной исторической науки КНР и роль, которая им отводится в воспитании исторического сознания общества – явление примечательное, оно тесно связано с теми сложными процессами в общественной жизни современного Китая, которые сопровождают его модернизацию, и заслуживает самого пристального внимания специалистов. Это в равной мере касается как научного, так и «популярного императороведения». Значимо оно и для понимания того, что происходит ныне в самой исторической науке КНР.

Л.И.Кадырова

(ИВ Казанского ГУ, Казань)

*Нормативная правовая база политического сотрудничества
Китайской Народной Республики и Республики Казахстан
(90-е гг. XX в.)*

Дипломатические отношения между КНР и Республикой Казахстан были установлены 3 января 1992 г. Начало активного политического диалога государств открыло возможности для дальнейшего тесного торгово-экономического, научно-технического, культурного, образовательного взаимодействия. 90-е гг. XX в. – это период становления и развития новых политических концепций сотрудничества между КНР и РК. Если для первой половины 90-х гг. приоритетным являлось двустороннее сотрудничество в различных областях, то во второй половине этого десятилетия значимым становится взаимодействие двух стран в рамках многосторонних договоров и региональных объединений.

В настоящее время сформировалась современная нормативная правовая база межгосударственного сотрудничества. Между КНР и РК

подписаны около десяти основных деклараций, меморандумов, договоров и соглашений, имеющих перспективное значение. В политической сфере основополагающими документами стали следующие: «Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между РК и КНР» (1992), «Совместная декларация об основах дружественных взаимоотношений между РК и КНР» (1993), «Соглашение о китайско-казахстанской государственной границе» (1994), два дополнительных соглашения о китайско-казахстанской государственной границе (1997 и 1998 гг.), «Совместная декларация о дальнейшем развитии и углублении дружественных взаимоотношений между РК и КНР» (1995), «Совместное коммюнике о полном урегулировании пограничных вопросов между РК и КНР» (1999).

В выступлении будет дан комплексный анализ нормативной правовой базы и основным итогам политического сотрудничества КНР и РК в 90-е гг. XX в.

А.Р.Касимова
(ИВ Казанского ГУ, Казань)

***Российско-китайские отношения в области образования и науки
(90-е гг. XX в.): обзор***

Составным элементом в развитии современных российско-китайских отношений является сотрудничество в области образования и науки.

В 90-е годы XX в. не существовало упорядоченных, организационно и юридически оформленных образовательных и научных отношений между Россией и Китаем. Однако в этих отношениях обнаруживается несколько уровней, обеспеченных серией межгосударственных и межправительственных договоров и соглашений. Сформировалось два уровня российско-китайских отношений: межгосударственный (главы государств, законодательные и исполнительные органы власти и др.) и децентрализованный (субъекты РФ, организации, предприятия, объединения, граждане)¹.

Межгосударственный обмен осуществлялся активно. Его основным результатом были сотни взаимных визитов, деловых встреч, обсуждений, соглашений и договоров. Однако большинство из

¹ Базаров Б. В., Ганжуров Д. В. Российско-китайские отношения и роль регионов Восточной Сибири в их развитии (1989 – 1999). Иркутск, 2002, с. 22–23.

подписанных документов не было наполнено реальным содержанием и оставалось нереализованным¹.

Наиболее интенсивно развивалось сотрудничество в сфере изучения китайского и русского языков. В начале 90-х годов XX в. наблюдался настоящий бум в изучении русского и китайского языков в приграничных районах двух стран.

После заключения российско-китайского соглашения о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях (26 июня 1995 г.) стало расти число граждан России, получивших дипломы китайских вузов, и китайцев с российскими дипломами².

Пик активности российско-китайских научных связей пришелся на 1989–1993 гг. За этот период было подписано более десятка комплексных соглашений и протоколов о научном сотрудничестве с научными учреждениями и управленческими структурами Северо-Восточного Китая³, а также с «научно-техническими компаниями». Соглашения имели рамочный характер и обозначали стремление сторон к научному обмену в таких областях, как биология, химия и химическая технология, геология и геофизика, экология, математика и др.

Основной формой сотрудничества стали двусторонние связи российско-китайских научных учреждений. Среди подписанных соглашений были как общие, декларировавшие формальные принципы научного сотрудничества между институтами, так и конкретные, предусматривавшие общие разработки и реализацию совместных морских, геологических и экологических экспедиций⁴.

В целом в выступлении будет дано обобщение основным итогам и результатам российско-китайских образовательных и научных связей 90-х гг. XX в.

¹ Рахманин О. Б. К истории отношений России – СССР с Китаем в XX веке. М., 2002, с. 10–11.

² Ларин В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях в 80-ые годы XX – начало XXI века. – М., 2005, с. 202.

³ Рахманин О. Б., с.209.

⁴ Рахманин О. Б., 309.

А.А.Ковалев
(НИИКСИ СПбГУ)
Некоторые сообщения письменных источников,
касающиеся событий IV – III вв. до н.э.
на северных границах китайских государств

Интерпретация ряда сообщений письменных источников, имеющих большое значение для разрешения вопросов исторической географии северных и северо-западных рубежей китайских государств эпох Чжаньго и Цинь, остается дискуссионной. К сожалению, общедоступные переводы китайских исторических сочинений на западные языки в ряде случаев усиливают путаницу и, будучи многократно воспроизведенными в работах по древней истории и археологии Центральной и Восточной Азии, искажают истинную картину расселения варварских племен и их взаимоотношений с китайскими государствами. В настоящей работе представлена интерпретация ряда отрывков, основанная на анализе исторического контекста упоминаемых событий и сравнении случаев употребления соответствующих сочетаний иероглифов в текстах II–I вв. до н.э. Полученные результаты имеют принципиальное значение для реконструкции истории племен линьху, лоуфань, сюнну, а также для локализации длинных стен, построенных Мэн Тянем в Ордосе.

1. “我先王。。。以 南藩之地，属阻漳、滏之，立 城，又取 郭狼， 林人於荏” («Ши цзи», цз. 43). «Наш покойный ван (предыдущий чжаоский ван Су-хоу: 349–326 г. до н.э. – А.К.)... на широких землях южных окраин, вдоль труднодоступных ущелий рек Чжан[шуй], Фу[шуй] воздвиг длинную стену, отобрал Линь, Голан, разбил “*линъ жэнь*” в Жэнь...»

2. “燕昭王 於郭隗曰：“寡人地狭人寡， 人削取八城，匈奴 楼 之下” («Шо юань», цз. 1; около 312 г. до н. э.) «Яньский Чжао-ван, спрашивая Го Вэя, сказал: “Мои земли утеснены, населения мало. Цисцы отобрали и уничтожили восемь [моих] крепостей, сюнну изо всех сил стремятся покорить лоуфаней”».

3. “自常山以至代、上党， 有燕、 胡之境，而西有楼、秦、 之 ” («Ши цзи», цз. 43, «Чжаньго цэ», цз. 19; 307 г. до н.э.). «...[К нашим землям, простирающимся] от [гор] Чаншань до Дай [в одну сторону и] до Шандана [в другую сторону], с востока [прилегают] пределы Янь, дунху, а с запада – граница с лоуфанями, Цинь, Хань...».

4. “二十年，王略中山地，至宁葭；西略胡地，至 中。林胡王献 ” («Ши цзи», цз. 43; 306 г. до н.э.). «На двадцатом году ван отнял

земли Чжуншань вплоть до Нинцзя, на западе отнял земли ху вплоть до Юйчжуна. Ван линьху поднес лошадей».

5. “主父欲令子主治国，而身胡服将士大夫西北略胡地，而欲从云中、九原直南秦，於是自使者入秦”(«Ши цзи», цз. 43). «Чжуфу решил повелеть сыну управлять государством (298 г. до н.э. – А.К.), а сам [решил], одевшись по-хуски, встав во главе командного состава, на северо-западе захватить земли ху; также решил от Юньчжуна, Цзююани напрямик на юг внезапно напасть на Цинь, поэтому обманным путем в качестве посланника вступил в Цинь».

6. “惠文王二年，主父行新地，遂出代，西遇楼王於西河而致其兵。”(«Ши цзи», цз. 43). «На втором году (297 г. до н.э. – А.К.) Чжуфу отправился на новые земли, при этом выехал из Дай, на западе встретился с ваном лоуфаней на западном отрезке излучины Хуанхэ и получил (то есть набрал в свою армию – А.К.) его войска».

7. “昔者、燕於桓之曲，燕不，十万之众尽。胡人燕楼数，取其牛。”(«Чжаньго цз», цз. 12). «...Однажды (296–295 гг. до н.э. – А.К.) Ци, Янь сражались в извилинах Хуань, Янь не справилось [с Ци], потеряло сто тысяч рядовых. Хусцы напали на несколько яньских уездов лоуфаней, угнали их быков и лошадей...»

8. “西北斥逐匈奴。自中并河以山，以(三)四十四，城河上塞”(«Ши цзи», цз. 6; 214 г. до н.э.) «... На северо-западе вытеснили и прогнали сюнну. От Юйчжуна вдоль реки на восток, вплоть до гор Иньшань учредили (тридцать) сорок четыре уезда, обнесли стеной “*верхнее течение реки*” (верхнее течение восточного отрезка излучины Хуанхэ; та же местность в отрывках 9, 11 – А.К.), образовав пограничную укрепленную линию».

9. “西北取戎[。 – А.К.]三十四。筑城河上。。。”(«Ши цзи», цз. 15; 214 г. до н.э.) «На северо-западе захватили [земли?] жунов. Создали 34 уезда. Построили длинные стены в “*верхнем течении реки*” (та же местность в отрывках 8, 11 – А.К.)».

10. “曼不秦，北徙”(«Ши цзи», цз. 110; 214 г. до н.э., см. то же событие в двух предыдущих отрывках 8, 9). «Тоумань не справился с [империей] Цинь и ушел на север».

11. “治河上塞”(«Ши цзи», цз. 8; 205 г. до н.э.). «Отремонтировали и привели в порядок пограничную укрепленную линию в “*верхнем течении реки*” (та же местность в отрывках 8, 9 – А.К.)».

С.А.Комиссаров, И.А.Москвитин
(Новосибирский ГУ)

***Мавзолей Цинь Шихуанди как важнейший источник по истории
военного дела Китая¹***

Наиболее изученная составляющая комплекса гробницы Цинь Шихуанди – «ямы с фигурами солдат и лошадей», наблюдения над которыми служат практически неисчерпаемым источником по истории военного дела Китая. Боевое построение демонстрирует яма № 1, где жесткое каре из стрелков содержит внутри девять колонн тяжеловооруженных воинов, каждая из которых усилена боевыми или командными колесницами. Этот факт, кстати, еще раз указывает на применение колесниц в качестве ударной силы, что оспаривается некоторыми авторами. Колесницы могли перебрасываться в нужное место сражения, вместе с небольшой группой прикрытия из легковооруженных воинов, поспевавших за их быстрым ходом. Но скорее они применялись в сочетании с отрядами от 8 до 152 латников; из них могли быстро составить подразделения необходимой численности. В то же время кавалерия, вопреки свидетельствам летописей, еще не составляла особого рода войск, сравнительно немногочисленные конные воины, представленные только в яме № 2, выполняли подсобные функции.

Сочетание каре с колоннами помогало маневрировать войсками на поле боя, переходя от обороны к наступлению, и наоборот. Такое построение позволяло сражаться как с подобными армиями древнекитайских царств, так и с конницей кочевников-сюнну. Стрелки (арбалетчики и лучники) стояли по три ряда в авангарде и по два ряда с флангов, а также в тылу, развернутые лицом к возможному противнику. Они облачены в доспехи, то есть вели не только прицельную стрельбу, но и служили своеобразными живыми щитами. Две крайние колонны, вооруженные ударными копьями-мао, должны были опрокинуть фланги врага, а когда вражеский боевой строй разбивался на отдельные группы, в бой вступали воины центра, вооруженные метательными и фехтовальными копьями-пи, мечами и многофункциональным оружием (клевцами-гэ и трезубцами-цзи).

Дополнительные сведения дают находки терракотовых фигур в других трех ямах (резервы или походный лагерь в яме № 2, штаб-квартира – в яме № 3, место для сражения или тыловой лагерь – в яме № 4).

Некоторые общие закономерности тактических построений можно проследить за счет сопоставления археологических данных с

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 09-01-00321а и по программе Рособразования, проект РНП 2.2.1.1.2183.

классическими трактатами эпохи Чжаньго: «Сунь-цзы» и «У-цзы». Однако следует иметь в виду, что данные сочинения являются общетеоретическими размышлениями выдающихся военных мыслителей, а не боевыми уставами. Поэтому многие детали устройства древнекитайской армии и ее действий на поле боя можно реконструировать только за счет интерпретации археологических источников.

В.А.Корсун
(МГИМО, Москва)

«Самоусиление» – опыт первой модернизации в Китае

Модернизация «с китайской спецификой» вызывает множество исторических рефлексий. Искрящий контакт с Западом не вызвал радикальной переоценки традиционных ценностей и не привел к подрыву в китайском сознании комплекса безусловного превосходства конфуцианских социально-политических институтов. Все теоретики и практики «движения усвоения заморских дел», такие как Вэй Юань, Фэн Гуйфэнь, Сюе Фучэн, Го Сунтао, Чжан Цзыму, Ван Чжичунь, Цзэн Гофань, Цзо Цзунтан, Ли Хунчжан и др. исходили из того, что «если внутренние бедствия будут искоренены, то внешняя угроза сама собой исчезнет», что «китайское учение – основное; западное учение – прикладное» (концепция «Ти – юн»), что «корень всех наук западных стран покоится на китайских началах» и что европейцы лишь усовершенствовали то, что в свое время было изобретено в Китае.

В меморандумах, подаваемых двору и, в частности, в анализируемых нами «Решении об отборе детей и внуков для посылки за океан для обучения ремеслам», за подписью Цзэн Гофана (август 1871) г., и «Детально разработанном плане морской обороны» от имени Ли Хунчжана от 10 декабря 1874 г. (*Чжунхуа чжэнчжицзя цзюэцэ дадянь /Большой словарь судьбоносных решений китайских политиков/, 1997, Пекин, с. 1125–1137), предпринимается попытка более адекватного понимания сути достижений и ценностей Запада. Два этих документа воплотили идею необходимости «изучения технических достижений варваров, чтобы использовать их для обуздания самих варваров» («ши и чанцзи и чжи и»), а также «смены закона-стиля» («бяньфа») (один из вариантов значения – «реформа») для строительства сильного и богатого Китая. Впечатляет случайный и спорадический характер использования авторами старых иероглифических клише из древних канонов для передачи значения новых категорий западноевропейской мысли, приводящий к существенной их трансформации и размыванию их смысла. Результатом*

одобрения императором первого меморандума стало направление в 1872–1875 гг. за счет казны нескольких групп отобранных в прибрежных провинциях китайских «люсюешэн» в США для обучения в американских средних, а затем и высших учебных заведениях, которые, впрочем, уже в 1881 г. все были внезапно отозваны в Китай из-за опасений, что они подпадут под влияние чуждой культуры. Осуществление плана Ли Хунчжана, помимо реализации в соперничестве с лидером «западно-континентальной» группировки Цзо Цзунтана корыстных целей этого одного из первых китайских «олигархов», привело, несмотря на чудовищные хищения и коррупцию, к тому, что уже к 1884 году Китай стал обладателем 43 современных боевых кораблей, частью приобретенными в Англии и Германии, а частью построенными в Шанхае и Фучжоу, общим водоизмещением в 42124 тонны, что позволило китайскому военно-морскому флоту стать крупнейшим в Азии и номером 6 в мире.

Рассматриваемые нами историографические памятники, несмотря на итоговый провал обоих проектов, демонстрируют, что конфуцианская традиция, обогащенная современными достижениями производства и культуры, оказывается на поверку более емкой и жизнеспособной, чем все обрушившиеся на Китай европейские образцы, а процесс ломки и вымывания архаичных структур в их китайском варианте становится особенно болезненным и долгим. Это лишний раз ставит под сомнение различного рода упрощенные концепции однолинейного исторического развития.

*М.Кузнецова-Фетисова
(ИВ РАН, Москва)*

*80-летие организованных археологических раскопок
Иньской столицы династии Шан (XVI–XI вв. до н.э.)*

80-летняя годовщина организованных археологических раскопок Иньской столицы династии Шан (XVI–XI вв до н.э.) является важной датой не только для археологов и историков; раскопки этого памятника имели и имеют глубокое воздействие на общественное самосознание в Китае и отзываются широким резонансом в культурной жизни всего мира.

Местность Инь располагается на берегах реки Хуанхэ в северо-западном пригороде города Аньян на севере современной провинции Хэнань. Память о пребывании столицы в этом районе сохранилась в веках: Иньсуй к югу от реки Хуань-шуй упоминается в «Исторических записках» Сыма Цяня, глава «Сянь Юй бэн цзи». Организованные археологические раскопки в этой местности начались осенью 1928 года

и продолжают по сей день; они засвидетельствовали реальное существование династии Шан-Инь, дали материал к изучению шанского общества, его материальной и духовной культуры, ритуальной жизни. Кроме этого, поскольку эпиграфические материалы и данные археологии во многом совпали со сведениями исторической традиции, у исследователей появилось большее доверие к письменным источникам, касающимся древней истории Китая.

Результаты раскопок Иньской столицы династии Шан в 20-х годах XX века позволили поставить древнекитайскую цивилизацию в один ряд с культурами Древнего Египта, Индии и Месопотамии, что стало переломным моментом в восприятии Древнего Китая как внутри страны, так и за рубежом.

Общие границы культурного заповедника, основанного в 1961 году, составляют 24 кв. км. В 1987 году был открыт музей, перестроенный в 2005 году в связи с присвоением этой местности статуса культурного наследия ЮНЕСКО.

Юбилей раскопок Иньской столицы отмечают в КНР начиная с 1980-х годов: издаются археологические отчеты и сборники статей, посвященных исследованию различных аспектов жизни шанского общества, проводятся конференции и симпозиумы.

М. Кузьмин

(ВФ СПбГУ)

***Политические партии Тайваня:
раскол по принципу самоидентификации***

На Тайване люди делят друг друга на рожденных на Тайване и рожденных на материке. Термин «тайваньцы» не относится ко всем живущим на острове. Тайваньцы называют людей из КНР – 大陆人 (daluren), в литературе на английском языке используется термин «mainlander» – «материковый китаец». Не каждый, живущий на острове, попадает под эти две вышеперечисленные категории, среди жителей Тайваня могут быть также выделены и другие группы.

Перед тем, как был взят курс на либерализацию, на Тайване были три основных политических партии: Гоминьдан, Младокитайская партия и Демократическо-социалистическая партия. С 1987 года началось возникновение новых политических партий, но лишь одна партия могла соперничать с ГМД – это была Демократическая прогрессивная партия. В течение многих лет ГМД считалась партией «материковых китайцев» и в основном была заинтересована в новом объединении Китая. До начала реформ в середине 1980-х гг. ГМД управляла страной практически без конкурентов в борьбе за власть. Но

в партии был серьезный раскол по поводу направления реформ. Жесткие традиционалисты с проматериковой направленностью соперничали с более умеренными представителями ГМД за контроль над правительством и процессом реформ. Умеренные члены ГМД поддерживали необходимость политических реформ на Тайване и признавали, что реформы политической системы Тайваня могут быть осуществлены только после реформы самого ГМД. ДПП – наиболее сильная оппозиционная партия в течение периода реформ после середины 1980-х гг. была единственной партией, которая могла противостоять ГМД, ее целью было отстаивание интересов тайваньцев. В 1990 году к власти на Тайване пришел Ли Дэньхуэй, он был коренным тайваньцем и утверждал, что формула «одно государство – две системы» не является эффективной. Хотя бы потому, что невозможно сосуществование капитализма с коммунизмом. В 2000 году к власти пришла Демократическая прогрессивная партия, которая выступала за независимость острова. Выборы 2004 года показали, что общество Тайваня разделилось на два лагеря – сторонники ДПП и сторонники ГМД.

*В.Е.Ларичев, Л.В.Тюрюмина
(ИАЭ СО РАН)*

*Обстоятельства и церемонии возведения хана маньчжуров Нурхаци
в сан «Премудрого государя»
(по записи в I томе хроники «Мань-вэнь лао-дан»)¹*

Фундаментальной значимости событие в истории маньчжуров случилось в год Красного дракона, в день обезьяны 1-го месяца Луны (1616 г.). Тогда на «Общем совете» бэйсы и вельможи обменивались мыслями по случаю необходимости прекратить страдания людей и государства из-за отсутствия должного статуса у Сурэ-кундулэнь-хана, Нурхаци, успешного воителя и объединителя родственных племен. А ведь он, «болеющий душой о голодающем народе, воспитатель мудрецов», появился на свет волею самого Неба. Оно породило хана и благословило его на дела словами: «Пусть сделает так, чтобы благоденствовало наше государство!»².

Мнение «Общего совета» было доведено до сведения бэйсы и вельмож «восьмизнаменных». Они согласились с решением и, прибыв в

¹ Исследование проводится при поддержке гранта РГНФ «Источники и материалы по ранней истории маньчжуров» (проект № 08-01-00407а).

² Цитаты заимствованы из летописной хроники «Старый архив на маньчжурском языке» («Мань-вэнь лао-дан»). Т. I, с. 67, 68.

ставку, разместились «в восьми местах» по периметру четырехугольного пространства и в углах его. Восемь чиновников, чжакунь амбаней, отделившись от всех, выдвинулись вперед и встали на колени. Позади них, и тоже на коленях, разместились бэйсы и вельможи. После этого к группам коленопреклоненных вышли из тронного зала ближайшие соратники Нурхаци – «стоявший по правую руку от хана Адунь-ся» и «стоявший по левую руку Эрдэни-бакси». Они приняли грамоты с решениями, показали их хану, а затем положили на стол. Далее последовал акт, заключающий первую часть церемонии: Эрдэни-бакси, став по левую руку от Нурхаци, провозгласил его Гэньцзень-ханом, «Премудрым государем», сопроводив наречение словами: «Пусть он печется о благоденствии всех государств!»

Вторая часть возведения в высший ранг правителя государства маньчжуров включала следующие церемониальные акты: все коленопреклоненные встали на ноги; к ним вышел из тронного зала «Сын Неба». Он трижды бил челом Небу, поклонился «вставшим на ноги», после чего возвратился обратно и снова воссел на трон. Бэйсы и вельможи «восьмизнаменных» один за другим трижды поклонились до земли Гэньцзень-хану, «хотя и были уже в [преклонных] летах».

Так началась история империи Цин и последней из иноземных династий Поднебесной, источником для изучения которой является вновь переведенная с маньчжурского языка хроника «Старый архив на маньчжурском языке» («Мань-вэнь лао-дан»).

П.В.Мартынов

(ИАЭТ СО РАН, Новосибирск)

***Взаимоотношения цянских племен и империи Цинь
(по археологическим данным)¹***

С глубокой древности цянские племена заселяли обширные территории Северо-Западного Китая; они упоминаются в иньских гадательных надписях. Входившие в конгломерат племен этнополитические объединения то признавали верховную власть иньского вана, то выступали против него. Иньские надписи содержат данные о занятиях, внешнем облике, религиозных верованиях и мифологии цянов. На рубеже эр они начинают переселяться на юг и юго-запад. С этим продвижением связано происхождение тибетцев и ряда современных тибето-бирманских народов Китая, Мьянмы и северо-восточной Индии.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 09-01-00321а и по программе Рособразования, проект РНП 2.2.1.1.2183.

В настоящее время, помимо указаний китайских источников («Синь Тан шу», «Сун ши» и др.) о происхождении тибетского народа туфань (тубод) от западных цянов, установлены соответствия между туфаньской керамикой и находками на цянских памятниках Ганьсу-Цинхая. Отмечаются аналогии в погребальном обряде: скорченные погребения и, главное, кремация, которая оказывается для Тибета добуддийским элементом. Антропологические данные свидетельствуют о том, что более 3 тыс. лет назад население, близкое восточным тибетцам, проживало в р-не Хами, куда переместилось из Ганьсу.

Большинство письменных источников о цянах относятся к иньскому времени, либо ко времени династии Хань или еще более поздних Тан и Сун. В то же время письменных источников династии Цинь по интересующей проблематике практически нет. После создания единой империи Цинь Шихуанди провел ряд операций против соседей, в т. ч. цянов. Возможно, успехи китайских войск стали одной из причин миграции прототибетских племен. Однако некоторые цянские культуры прекращают свое существование раньше. Так, поздний этап культуры каюа приходится на период 1000–700 лет до н.э.

У некоторых скульптур из «терракотовой армии» прослеживаются тибето-бирманские черты. Можно предположить, что в армии императора Цинь существовали подразделения, состоявшие из цянов. Для подкрепления этого тезиса нужен сравнительно-типологический анализ вооружения из мавзолея Цинь Шихуанди и памятников эпохи бронзы – раннего железа Ганьсу-Цинхая. Необходимо выделение объектов материальной культуры, также антропологических материалов, подтверждающих проживание цянов в пределах империи Цинь и их влияние на циньскую цивилизацию.

Б.М.Новиков
(ВФ СПбГУ)

***Китайская секта Фалуьнгун в 1999 – 2009:
запрет в КНР и активизация деятельности вне Китая***

Летом 1999 г. китайские власти официально запретили секту Фалуьнгун («Совершенствование по Закону Будды» или «Практика Колеса Закона») как подрывающую общественный порядок, духовно дезориентирующую людей и наносящую вред психическому и физическому здоровью вовлеченных в ее деятельность. В КНР последовали строгие меры по пресечению нарушений закона против секты, начались антикитайские акции западных «правозащитников».

После этого деятельность секты Фалуьнгун переместилась за пределы Китая. Зарубежная штаб-квартира основателя секты Ли

Хунчжи и его функционеров разместились в США, где американские СМИ и стоящие за ними политические силы оказали активную поддержку «пророку» из Китая. Была организована массированная пропагандистская кампания в защиту секты как «жертвы нарушения прав человека» в КНР, а также рекламная раскрутка Фалуньгун как «универсальной оздоровительной практики» с целью распространения секты в странах Запада, интернационализации состава практикующих.

Одновременно происходила эскалация враждебных КНР пропагандистских и иных деструктивных действий вожаков Фалуньгун и их покровителей. Создавались и массово распространялись с использованием новейших технических средств экстремистские по содержанию антикитайские материалы, в разных странах проводились так наз. протестные акции (шествия, пикеты, выставки, пресс-конференции и др.) против запрета деятельности Фалуньгун и преследования ее активных приверженцев в Китае. Некоторые ангажированные граждане КНР провоцировались на совершение противоправных, антиобщественных действий. С помощью опытных хакеров были проведены кибердиверсии против КНР – совершен взлом нескольких китайских спутников связи с целью захвата каналов телевидения страны и др.

Имеющиеся материалы свидетельствуют, что после запрета в Китае деятельность секты, распространенной за его пределами при поддержке определенных внешних сил, однозначно направлена против государственно-политического строя КНР и приобретает все более экстремистский характер. Учитывая это, создание и деятельность на территории РФ сообществ или групп людей, объявляющих себя приверженцами Фалуньгун и практикующих учение этой секты, явно противоречит статье 8 Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 года. Кроме того, сообщества или группы Фалуньгун на территории РФ, по нашему мнению, подпадают под действие статей 7, 9, 11 и 13 Федерального Закона РФ о противодействии экстремистской деятельности от 27.06.2002 года.

А.В.Островский

(ИДВ РАН, Москва)

Основные тенденции социально-экономического развития Китая в 1-й половине XX в.

К началу XX века Китай оставался отсталой слаборазвитой страной, переживавшей процесс ломки докапиталистической социально-экономической структуры и медленно переходившей на путь

развития товарного хозяйства и становления капиталистического уклада в условиях полуколониальной зависимости.

Экономика Китая была чрезвычайно отсталой: в ней преобладали единоличные крестьянские хозяйства и мелкие товаропроизводители, которые были не в состоянии снабжать промышленность сырьем в нужном количестве. Наличие мелкотоварных форм хозяйства способствовало экономической раздробленности страны на отдельные, не связанные между собой районы. В результате к началу 30-х годов в Китае еще не сложился единый общенациональный рынок. По-прежнему экономическое развитие Китая сдерживалось низким уровнем товарности сельского хозяйства, недостаточным развитием производительных сил в промышленности, отсутствием в стране единого общенационального рынка.

Начавшаяся в 1937 г. война между Китаем и Японией, причинив немалые страдания китайскому народу, существенно деформировала характер капиталистической эволюции. Резко усилилось влияние государственного капитализма на экономическое развитие Китая, в ходе войны он стал решающим фактором этого развития. Такие изменения явились результатом как экономической политики гоминьдановского правительства, так и экономической политики японских властей на временно оккупированной китайской территории.

К 1937 г. Китай оказался расчлененным на три части: 1) районы, контролируемые гоминьдановским правительством; 2) районы, оккупированные Японией; 3) районы, находящиеся под контролем КПК.

В результате антияпонской и гражданской войн в конце 40-х годов еще более обострились проблемы китайской экономики. По-прежнему ведущую роль продолжало играть сельское хозяйство. Доля промышленности в национальном доходе страны составляла только 12,6%, а в валовой продукции промышленности и сельского хозяйства – 30,1%. При этом большую часть промышленных предприятий составляли мелкие кустарные мастерские и мануфактуры. По производству основных видов промышленной продукции Китай далеко отставал от индустриальных держав, а по производству на душу населения – и от слаборазвитых стран. Китай оставался отсталой аграрной страной с преобладанием докапиталистических укладов как в городе, так и в деревне.

В результате антияпонской войны и гражданских войн к 1949 г. были выведены из строя почти все крупные заводы и фабрики, их оборудование пришло в негодность. Гоминьдан так и не смог решить экономические проблемы, стоявшие перед страной. Все это самым

негативным образом сказывалось на развитии производительных сил после образования КНР.

Каренс Петросянс
(*Латвийский университет, Рига*)
К русской транскрипции верховного титула сюнну:
шаньюй или чаньюй

В гуманитарной науке довольно распространенным явлением оказываются случаи, когда при первых переводах иноязычной литературы лексика перевода закрепляется и употребляется последующими поколениями исследователей как абсолютно истинная. Так, на наш взгляд, произошло и с транскрипцией титула правителя сюнну (*шаньюй*, а точнее, *чаньюй*). Данный титул встречается в труде древнекитайского историка Сыма Цяня (ок.145–86 до н.э.) в его труде «Ши цзи». Другой китайский историк ханьского периода – Бань Гу передал значения этого титула как – «широкий», «обширный» (*гуанда*).

Китаевед Н.Я.Бичурин (1777–1853) – первый автор перевода китайских свитков, посвященных истории кочевого народа сюнну. Данный перевод вышел в свет в середине 19 в., его автор выбрал произношение иероглифа в верховном титуле сюнну как *шань*¹. Во второй половине 20 в. В.С.Таскин взялся за их повторный перевод, призванный исправить неточности первого перевода. Автор, однако, оставил незамеченным вопрос о правомерности транскрипции титула правителя сюнну как *шаньюй*. Два данных перевода столь серьезно повлияли на многих российских историков и археологов, что вопрос о транскрипции титула более не ставился.

Как известно, современные китайские историки произносят титул сюнну как *чаньюй*, а также транскрибируют его в системе пиньинь как *chanyu*. Однако имеются свидетельства тому, что данное произношение отнюдь не современное явление. Так, согласно словарю «Канси цзидянь» (впервые был опубликован в 1716 г.), верховный титул сюнну звучит как *чаньюй*². Интересно, что в первом китайско-английском словаре, составленном в начале 19 в. (1815–1823) шотландским миссионером Робертом Моррисоном, мы также находим транскрипцию титула как *чаньюй*³.

¹ Н.Я.Бичурин. Собрание сведений... М.-Л., 1950. Т. I, с. 46.

² . – , , 2008, 128 .

³ Robert Morrison. A Dictionary of the Chinese Language. Vol. 1. – Daxiang chubanshe, Zhengzhou, 2008, p. 415.

В пользу транскрипции *шаньюй* может говорить и один факт, зафиксированный в хронике «Ханьшу». В 15 году н.э. было предложено изменить название державы *сюнну* на *гунну* (), а также титул *чаньюй* на *шаньюй* ()¹. В.С.Таскин перевел этот фрагмент следующим образом: «...Изменить название сюнну на гунну, а титул шаньюй – на шаньюй». Таким образом, по мнению автора, цель заключалась в изменении китайской трактовки титула, т.е. титул получал смысл – добрый *юй*². Фонетический аспект замены иероглифов титула в переводе Таскина был оставлен в стороне.

Автор доклада, однако, отнюдь не призывает отказаться от привычной транскрипции титула как *шаньюй*, целью данной работы является открыть дискуссию о возможности пересмотра произношения титула правителя сюнну в пользу варианта *чаньюй*.

В.Я.Портяков
(ИДВ РАН, Москва)

Освещение проблем внешней политики и международных отношений Китая в англоязычных монографиях последних лет³

Усиливающееся вслед за ростом комплексной мощи страны влияние КНР на глобальные экономические и международно-политические процессы породило настоящий бум англоязычной литературы, посвященной анализу внешней политики современного Китая, осмыслению характера и последствий его возвышения, оценке перспектив и возможных сценариев взаимодействия Пекина с ведущими мировыми центрами силы. Хотя тон здесь, как и прежде, задают такие широко известные англосаксонские авторы, как Д. Лэмптон, С. Ширк, Алистар Джонстон, Р. Росс, Д. Шамбо, Д. Гарвер, нередким стало участие в коллективных монографиях и китайских ученых, не удовлетворяющихся зарубежными интерпретациями политики КНР и стремящихся инициативно донести ее суть до внешнего мира (характерный пример – работа «Формирование нового партнерства: возвышающийся Китай и его соседи», изданная в 2008 г.

¹ . , – , 1975, (), 3828 .

² Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. (Пер. и коммент. В.С.Таскина). М., 1973, с. 62.

³ Автор выражает глубокую признательность Европейской ассоциации китаеведения и Фонду Цзян Цзинго, предоставившим грант для работы в библиотеке Синологического института Лейденского университета в августе 2008 г.

по инициативе директора Института АТР Академии общественных наук Китая Чжан Юньлина).

Среди работ по конкретным направлениям заметно увеличение числа публикаций, посвященных «азиатскому вектору» внешней политики Китая, в т.ч. отношениям со странами Азии в целом (Р. Саттер, Д. Шамбо), Индией (Д. Гарвер, 2001; Алка Ачария, 2008), Ираном (Д. Гарвер, 2006), Японией (С. Пекканен и К. Цай, 2005). Вместе с тем, на первый план явно выдвигаются работы общего плана, стремящиеся оценить стратегический настрой Китая на соперничество или, напротив, сотрудничество со «столпами» существующего миропорядка, его готовность нести свою долю ответственности за решение глобальных проблем. Поскольку, говоря словами Джошуа Курланчика (Joshua Kurlantzich, 2007), «никто не имеет опыта обращения с Китаем как с глобальным игроком, не может смоделировать поведение Пекина на международной арене», то вполне естественными выглядят все более частые попытки западных ученых дать прогноз на будущее, причем многовариантный, и предложить ту или иную форму реагирования на предполагаемый внешнеполитический курс Пекина. Особенно интересны в этом плане монография Д. Лэмптона «Три облика китайской мощи: сила, деньги, идеи» (2008) и коллективная монография под редакцией Чун Чжэ Хо (Jae Ho Chung) «Вырисовывая будущее Китая: политические, социальные и международные измерения» (2006).

Самостоятельный интерес представляет попытка оценить общее состояние современных западных исследований по Китаю, включая его внешнюю политику, предпринятая в работе «Наблюдение за Китаем. Взгляд из Европы, Японии и Соединенных Штатов» (2007, редакторы Р. Эш, Д. Шамбо, Сейичиро Такаги). Авторы выступают за более тесное соединение исследования внешней политики Китая с изучением его политики в сфере армейского строительства и безопасности.

Современные российско-китайские отношения специально рассмотрены в работе Н. Курт «Политика России в отношении Китая и Японии. Периоды Ельцина и Путина» (2007). Однако в целом «российский вектор» китайской внешней политики находится ныне вне пределов «мэйнстрима» англоязычного китаеведения в отличие, скажем, от периода 1960–1970-х годов.

А.М.Решетов
(МАЭ РАН (Кунсткамера), СПб)
О пробном браке у народов Южного Китая

В этнографической литературе нередко встречаются утверждения о существовании в первобытную эпоху полной добрачной свободы, группового брака и т.д. Однако еще Ч. Дарвин справедливо считал: «Нужно иметь больше фактов, чтобы иметь право допустить, что между людьми существовало общее смешение полов». Действительно, описания подобных ситуаций принадлежат миссионерам или авторам, не потрудившимся детально и внимательно разобраться в наблюдаемых ими встречах молодежи, которые с их нравственных позиций считались противоестественными.

Возможность встреч юноши и девушки допускалась только после достижения ими брачного возраста, что закреплялось соответствующим термином, определявшим их положение в обществе. У некоторых групп народности *ли*, живущих на о. Хайнань, для девушки еще в первой половине XX в., после достижения ею половой зрелости, родители строили легкого типа хижину для ее встреч со своим избранником. Такие встречи продолжались довольно долго и обычно прекращались, если не наступала беременность. При благоприятном исходе между молодыми соответствующим образом оформлялись супружеские отношения. Такого рода отношения предлагается называть пробным браком. Следует иметь в виду, что *ли* четко осознавали свое жизненное предназначение: рождение детей, которые в традиционном обществе почитались как главное богатство семьи. Бездетная семья не могла иметь места.

К югу от р. Янцзы живет народность *мяо*, у которых в свободное от хозяйственных работ время в присутствии родителей проходили встречи молодежи, во время которых после знакомства и общения по свободному выбору формировались пары. Для них также строились временные жилища. Такое сожителство не вело к заключению брака. И только в случае наступления беременности начинались переговоры о свадьбе.

У народности *буи* (пров. Гуйчжоу) существует обычай возвращения молодой домой после нескольких дней жизни с супругом после свадьбы в его доме. Не принято было, чтобы муж посещал жену в доме ее родителей, хотя тайные встречи бывали по взаимному согласию. Если беременность не наступала, молодая вновь могла принимать участие во встречах молодежи и вступать в брак. В литературе такая ситуация квалифицируется как проявление пережитков матриархата, но, как представляется, она не имеет никакого

отношения к этой проблеме. С моей точки зрения, это еще один пример пробного брака, который прекращается даже после свадьбы в случае отсутствия детей. Прочность брачных отношений определяется через пробный брак наличием детей – гарантов осуществления связей с предками, материального обеспечения родителей в старости и продолжением рода.

В.М.Рыбаков
(ИВР (СПбФ ИВ) РАН, СПб)
Благотворные иллюзии культуры:
Философская основа и правовая конкретика
уголовного кодекса китайской династии Тан

Ко времени Тан (618–907 гг. н. э.) в Китае сложилась четырехчастная система законов: уголовные установления *люй*, общеобязательные установления *лин*, нормативные установления *гэ* и внутриведомственные установления *ши*.

Концепция дуализма Инь и Ян порождала изоморфное этой паре структурирование многих китайских понятий, в частности, Закона *фа* и Морали *ли*, которые, в свою очередь, проявлялись в запретительных законах типа *люй* и *гэ* и предписывающих законах типа *лин* и *ши*.

Гэ и *ши* были реакциями на изменения конкретики общественного бытия. *Люй* и *лин* были более долгосрочны, их изменения обуславливались изменениями не текущего положения, но духа, изменениями в представлениях о справедливости и порядке.

Жизнь духа была в Китае в огромной степени сосредоточена на поддержании мировой гармонии и на заботе о народе. Эти понятия были взаимосвязаны: забота могла осуществляться только поддержанием гармонии, а гармония достигалась при осуществлении такой заботы.

Воплощающие гармонию космоса долговременные законы испытывали на себе мощное влияние этих двух доктрин. Особенно это касается уголовных законов, ведь считалось, что уголовные преступления нарушают гармонию мироздания, значит, главной задачей уголовных наказаний является ее восстановление.

Нарушения следовало компенсировать наказаниями, равными преступлениям по силе воздействия на природу. В противном случае они не восстанавливали бы гармонию, а лишь еще сильнее вредили бы ей, что было чревато стихийными бедствиями, голодом и эпидемиями.

Эта доктрина, казалось бы, завышает роль человека в мироздании и потому граничит с мракобесием. Однако именно благодаря иллюзиям родились многие конкретные правовые нормы, которыми традиционное

китайское право может всерьез гордиться. Добрее их человечество ничего не придумало и до сих пор. Иллюзии культуры нередко помогают ей добиться успеха там, где пасует любой прагматизм.

Можно сказать, что в фокусе суммарного действия традиционных иллюзий в Китае возникла в своеобразном виде концепция прав человека.

***Н.А.Самойлов
(ВФ СПбГУ)***

***Архивные материалы о первых китайских студентах
в Санкт-Петербурге***

Мероприятия политики «самоусиления», проводившиеся правительством Цинской империи, положили начало поездкам китайских студентов на учебу в зарубежные страны, прежде всего в Западную Европу и США. В Россию студенты из Китая прибыли существенно позже.

Первая группа студентов училища иностранных языков Тунвэньгуань отбыла из Пекина в Россию в мае 1896 г. 20 сентября 1897 г. было достигнуто соглашение о начале их обучения в Санкт-Петербургском учительском институте, размещавшемся в то время на Васильевском острове (13 линия, д.28). Его директор – известный ученый-зоолог и педагог, тайный советник К.К.Сент-Илер подписал с представителем китайского посольства условия приема на учебу четырех стипендиатов: Шао Хэнсюня (), Гуй Фана (), Ли Хунмо () и Чэнь Цзяцзюя (). 1 октября они получили соответствующие свидетельства. Учительские институты в России представляли собой мужские учебные заведения, которые готовили учителей для уездных и городских школ. Одним из наиболее известных был Санкт-Петербургский учительский институт, выпускниками которого стали: выдающийся русский ученый-геолог, академик И.М.Губкин и поэт-символист Федор Сологуб.

Подробности обучения первых китайских студентов в Учительском институте можно узнать из архивных документов, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Китайские стипендиаты размещались в учебном заведении на интернатной основе в двух особых комнатах, около общих спален воспитанников. На содержание четырех студентов Институт получал от посольства по 100 рублей в месяц. Китайские стипендиаты должны были посещать все занятия, кроме рисования, пения, гимнастики, немецкого языка и Закона Божьего, и не были обязаны присутствовать

на молитвах. Результаты их аттестации отсылались в китайское посольство каждые два месяца.

Особенно высоко отмечались успехи студента Гуй Фана, уроженца Пекина, окончившего до этого русское отделение школы Тунвэньгуань и имевшего степень сюэя. С 1898 г., будучи сам студентом, Гуй Фан начал преподавать китайский язык на Факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета. После завершения обучения в Учительском институте Гуй Фан занял должность атташе в посольстве Цинской империи и продолжил при этом преподавание в университете вплоть до сентября 1904 г. В дальнейшем Гуй Фан был назначен Генеральным консулом Китая во Владивостоке и занимал другие официальные должности.

Очень хороших результатов в изучении русского языка добился и другой китайский стипендиат – Шао Хэнсюнь. Он, как и Гуй Фан, был выпускником школы Тунвэньгуань и еще до своего товарища в течение одного семестра вел практические занятия по разговорному китайскому языку на Факультете восточных языков. В дальнейшем он работал в системе министерства иностранных дел Китая и руководил учебными заведениями.

В 1899 г. в Санкт-Петербургский учительский институт была принята еще одна группа из четырех китайских студентов.

Появление первых китайских студентов в учебных заведениях России положило начало новому этапу культурного взаимодействия двух стран, способствовало развитию взаимопонимания и углублению знаний друг о друге.

*Э. Синецкая
(ИБ РАН, Москва)*

*Некоторые особенности социального сознания молодых жителей
Шанхая*

Медики и социологи Китая выявили, что суицид стал одной из главных причин смертности среди людей в возрасте от 15 до 34 лет. Явление имеет тенденцию к возрастанию, и при этом коэффициент распространенности суицида среди молодых намного выше, чем среди лиц среднего возраста (звучат заявления, что самоубийства губят молодежь Китая).

Читая нашумевший роман Вэй Хуй «Шанхай баобэй», нельзя не удивиться тому, что среди причин своего преклонения перед Генри Миллером и Коко Шанель героиня не в последнюю очередь уделяет внимание тому, что Коко Шанель дожила почти до 90 лет, а Генри Миллер – до 89 лет. Казалось бы, почему для 25-летней девушки

настолько значимо долголетие ее кумиров? В текстах этого и следующего романа можно вычитать некоторые ответы на вопрос о причинах пиетета перед долгой жизнью.

Роман «Шанхай баобэй» построен преимущественно на любовной истории героини и молодого китайца – от их знакомства до его суицида. В следующем романе («Замужем за Буддой») мы узнаем, что героиня в 24 года тоже пыталась покончить жизнь самоубийством.

В данных случаях не играли роли наиболее распространенные причины, создающие всегда и везде суицидальные ситуации: тяжелые условия жизни, бедность, низкий социальный статус, конфликты в семье и тому подобное. Разговор идет об находящихся в контексте китайской и мировой культуры, обеспеченных (во всяком случае, не нуждающихся), ведущих активную жизнь, преимущественно богемную (поскольку сами не лишены творческого начала), современных шанхайцах так называемого нового-нового поколения.

У каждого суицида пренебрежимо есть свои особые основания и у каждого самоубийцы есть свои провоцирующие черты личности. Но уже с начала прошлого века данной проблемой перестали заниматься только психиатры, поскольку причину общемировой тенденции роста уровня самоубийств стали видеть, прежде всего, как следствие нестабильности и стрессогенности социально-экономических процессов. По выражению одного швейцарского писателя, личные истории иногда не вписываются в Историю (а конкретные примеры этого характеризуют саму Историю).

М.В.Сухов

(ИДВ РАН, Москва)

*Выработка курса на научно-техническую модернизацию в КНР
в середине 1980-х гг.*

С началом осуществления программы «4-х модернизаций» в КНР существенно возрос интерес к изучению собственной научной традиции. С конца 70-х гг. начали издаваться ежеквартальники «Материалы по истории китайской науки», «Исследования по истории естественных наук», появились публикации обобщающих работ по истории отдельных научных дисциплин и китайской науки и техники в целом. К середине 80-х гг. на китайский язык были переведены тт. 1 и 3 многотомного труда Дж. Нидэма «Наука и цивилизация в Китае». В 1982 г. на английском языке был издан сборник статей по истории науки и техники в Китае; в 1984 г. была проведена Третья международная конференция по истории китайской науки.

Разногласия по поводу выбора пути экономического развития, возникшие в руководстве (прежде всего между Чэнь Юнем и Чжао Цзяняном) и обострившиеся к 1984 г., когда было принято «Постановление ЦК КПК о реформе хозяйственной системы», в значительной мере отразились и на развитии научно-технической системы КНР.

С принятием «Постановления ЦК КПК о реформе научно-технической системы» началось упорядочение стратегии развития науки и техники. Основные цели реформы: всестороннее применение научно-технических достижений в производстве и их коммерциализация, выявление роли ИТР, стимулирование экономического и социального развития.

В 1986 г. Государственный комитет по науке и технике (ГКНТ) подготовил специальное руководство для ознакомления специалистов и населения с курсом, который КПК и правительство утвердило в сфере науки и техники («Направление научно-технической политики Китая» или «Белая книга науки и техники»). Издание содержало необходимую базовую информацию и научное обоснование осуществляемых действий; впервые были опубликованы данные об осуществлении научно-технической политики в 12 областях (энергетика, транспорт, связь, сельское хозяйство, машиностроение и т.д.). Впервые публиковались результаты проведенного в 1985 г. генерального обследования научно-технической отрасли в масштабах страны, а также полные тексты нормативных документов, касающихся науки и техники.

В 1988 г. вышла «Голубая книга науки и техники», где излагалась отраслевая политика КНР в сфере науки и техники. С расформированием ГКНТ в 1998 г. публикация вышеупомянутых, а также других изданий по данной тематике осуществляется главным образом под руководством Министерства науки и техники КНР.

Е.Г. Темников

(ИВ Казанского ГУ, Казань)

***Санкт-Петербургский русско-китайский договор 1881 г.:
отечественные источники и историография.***

Санкт-Петербургский договор 1881 г. занимает особое место в истории международных отношений в Центральной Азии в конце XIX – нач. XX вв. Согласно договору Россия возвращала Илийский край Цинскому Китаю, а также была сформирована цивилизационная основа для дальнейшего развития российско-китайских межгосударственных отношений.

Основой для дальнейшего изучения истории Санкт-Петербургского договора является комплекс источниковедческих материалов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), а также опубликованные дипломатические документы МИД Российской империи.

Исследование архивных источников позволяет рассмотреть значимые моменты дипломатических переговоров, позиции и разногласий сторон. Комплекс документальных материалов содержит: служебную переписку русских посланников в Пекине, ежегодные доклады министра иностранных дел Горчакова А. М., документы дипломатической переписки Пекина и Петербурга и др.

Корпус опубликованных источников включает дореволюционные, советские, а также современные издания текстов договора¹, а также других межгосударственных соглашений.

Значимой группой источников являются воспоминания государственных и политических деятелей, участников исследуемых событий².

Важное историографическое значение для изучения истории Санкт-Петербургского договора, а также событий, связанных с его подписанием, имеют материалы работ отечественных историков – это Воскресенский А. Д., Гуревич Б. П., Гурьев Б. К., Мартенс Ф. Ф., Нарочницкий А. Л. и др.

В целом для отечественной историографии XIX–XX вв. характерно концептуальное и фактологическое единство в оценке договора и его роли в истории межгосударственных отношений России и Китая. Критическое комплексное использование отечественных источников и литературы позволяет изучить историю и место Санкт-Петербургского договора в системе международных отношений Центральной Азии рубежа XIX – нач. XX вв.

В.Н.Усов

(ИДВ РАН, Москва)

***Изучение истории КНР советскими и российскими учеными
(основные этапы исследования)***

1. Общая характеристика изучения истории КНР в Советском Союзе и России с 1949 г. по настоящее время.

¹ См.: Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) / Под ред. В.С. Мясникова. М., 2004 и др.

² См.: Милютин Д.А. Дневник. Т. 3. М., 1950; Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875. СПб., 1912 и др.

2. Первый этап изучения истории КНР – 1949–1957 гг. Процесс накопления материалов по истории КНР, детальное знакомство с новым Китаем.

3. Второй этап изучения – 1958–1966 гг. Появление более фундаментальных работ по истории КНР, документов и справочников.

4. Третий этап изучения – 1966–1979 гг. Появление фундаментальных работ, некоторых под грифом «для служебного пользования». Организация конференций по истории КНР и ее отдельным этапам и эпизодам. Выпуск учебников и учебных пособий с более полным разделом по истории КНР.

5. Четвертый этап изучения – с 1980 по сегодняшний день. Изучение отдельных вопросов и этапов в истории КНР, резкое увеличение количества книг, в той или иной мере затрагивающих историю КНР. Увеличение количества научных конференций, внутрироссийских и международных, по истории КНР, издание комплексных работ и справочников по истории КНР, учебников, различных пособий.

6. Выводы степени и уровня изучения истории КНР российскими китаеведами.

О.М.Хачатурян
(Сибирский федеральный университет, Красноярск)
Изучение мавзолея Цинь Шухуанди
в российской историографии¹

Первая научная публикация материалов гробницы Цинь Шихуанди на русском языке предпринята Н.Н. Чебоксаровым (1983). Он изучил 500 статуй и выделил 22 представительных портрета для антропологического анализа. Их прототипы относились к дальневосточной расе тихоокеанских монголоидов; однако по отдельным чертам сближались с монголоидно-австралоидным населением Южного Китая. Выявленная у некоторых «гвардейцев» американоидность связана с цянским (прототибетским) населением данного региона, не исключена возможность европеоидных влияний; это хорошо коррелирует с историческими свидетельствами.

Статья В.В. Евсюкова и С.А. Комисарова (1986) стала одной из первых публикаций историко-культурного плана. Авторы рассматривают комплекс как источник для реконструкции

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 09-01-00321а и по программе Рособразования, проект РНП 2.2.1.1.2183.

материальной культуры, социальной организации и религиозно-мифологических представлений Древнего Китая.

К искусствоведческому направлению относится статья О.М. Городецкой (1990), которая говорит о сверхнедостаточности археологического материала и определяет мавзолей как произведение варварского искусства, воплотившего тоталитарную идеологию. Это сформировало стилистику статуй, которые не были индивидуальными портретами.

М.Е. Кравцова (2004) обратила внимание на архитектурное построение и сделала вывод, что он имитировал крепость или укрепленный дворец; чего в древнекитайской похоронной обрядности не встречалось. Однако зарождение такой архитектуры выявлено на ранних этапах циньских элитных погребений. Особенности «глиняной армии» она связала с традициями бронзоволитейного производства. В циньской скульптуре, по ее мнению, можно проследить эстетические трактовки образа человека, характерные для китайского искусства.

Напротив, М.Ю. Ульянов (2007) считает, что портретные изображения не характерны для культуры среднего течения Хуанхэ; поэтому циньцы принадлежали к иной, возможно, степной религиозной традиции. Он рассматривает все находки как единый погребальный комплекс.

Во многих оружейведческих работах упоминаются находки оружия и боевые построения «терракотовой армии», однако специальных публикаций нет (за исключением тезисов).

В целом, за прошедшие 30 с лишним лет не создано ни одного монографического исследования по теме на русском языке. Заполнение данной лакуны будет способствовать реконструкции этнокультурной ситуации в Китае эпохи поздней древности.

Чегодаев А.Б.
(Сибирский федеральный университет, Красноярск)
Документы П. И. Каменского (архимандрита Петра),
хранящиеся в фонде Г. И. Спасского
Архивного агентства Красноярского края

Доклад посвящен анализу документов Павла Ивановича Каменского (1765–1845), хранящихся в фонде Г. И. Спасского Архивного агентства Красноярского края. («Селение Галерное. Черновые заметки П. Каменского по истории Китая» и «Выписка из различных журналов, произведений и т. д. о Китае (сделаны, вероятно, Каменским)»). П.И. Каменский был русским китаеведом, возглавлявшим десятую православную миссию в Пекине (1821–1830), оставившим богатое рукописное наследие, малоизученное на сегодняшний день.

Важно отметить, что документы являются подлинниками, отсюда актуальность их изучения, как ранее неизвестных документов П. И. Каменского, и основная цель ввести документы в научный оборот.

Документы относятся к периоду 1812 – 1819 гг., написаны в форме журналов для заметок. В данных документах содержатся письма, исторические заметки о Китае и не только (имеются заметки о России, римских правителях и т.д.), а также собственные размышления, замечания и стихотворения П. И. Каменского. Оба документа не имеют четкой структуры, преобладающая часть текста написана на русском языке, также имеются подписи на латинском и китайском языках.

У П. И. Каменского, одного из первых среди китаеведов той эпохи, можем видеть попытку синтеза переводимого материала, попытку аналитического анализа текстов – все его переводы снабжены пометками и замечаниями.

Основные проблемы, которые выделяет П. И. Каменский, как и многие первые исследователи-миссионеры, это быт и социально-экономическое положение, что объясняется близостью стран и дипломатическими целями его исследований.

Документы П. И. Каменского еще не введены полностью в научный оборот, в силу того, что «география» большинства документов очень обширна (Россия, Китай), также потому, что актуальность исследований трудов первых китаеведов по-прежнему недостаточно высока в сфере научных интересов современных китаеведов. Документы, хранящиеся в архивах, устаревают, год от года почерк на листах XVIII–XIX вв. все труднее разобрать. Необходимость заниматься разбором этих документов как никогда высока на сегодняшний день.

Andornino Giovanni
(University of Torino, Itali)
TheChinaCompanion (TCC)

«TheChinaCompanion is one of the most innovative China-related projects I have come across in years. It's a veritable cornucopia of riches.»

Robert Ash, SOAS

TheChinaCompanion (TCC) is a web aggregator designed by Giovanni Andornino at the «L. Einaudi» Research Centre / Faculty of Political Sciences in Torino, Italy. Its current version is the product of the first 18 months of activity.

The aim of the project is to realize a comprehensive, multi-layered web aggregator for relevant information on contemporary China's politics, IR and IPE. It should prove informative and reliable enough to become one of the first ports-of-call for any one interested in scholarship or significant information on today's China.

This is achieved through the 3 main sections of its integrated and fully-searchable database:

- **NEWS:** automatically updated every hour, 24/7, provides China-related news from some 30 of the world's most authoritative newspapers, radio stations, TV channels and institutional bulletins.

- **THINK-TANKS:** TCC staff manually searches for relevant papers and reports dispersed in tens of think-tank/university department websites, gathering and tagging them all into a single database, 1999–today.

- **JOURNALS:** TCC staff manually vets over 180 English and German language scientific journals and inputs data for each and every relevant essay 1999–today. Each article carries its abstract and is tagged; book reviews are included. In the coming months essays in French, Spanish and Italian will be included. Over 5,000 entries available as of Dec. '08.

A number of additional services are offered on TheChinaCompanion, among which a forum and, more importantly, an event-locator, allowing users to publicize their events and see what's going on in the discipline around the world.

An expertise-locator service is in the works at the moment.

The TCC founder and current general editor embraces the philosophy whereby as an empowering agent, knowledge should as far as possible be openly accessible. All TCC services are free of charge.

The aim of my contribution is to demonstrate the workings of TheChinaCompanion and illustrate the main activities that can be performed through it.